

Федоров Владимир Григорьевич

**Оружейное дело на грани двух
эпох**

**Часть 2. Работы оружейника
1900-1935 гг**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Григорьевич Ф.**
Оружейное дело на грани двух эпох: Часть 2. Работы оружейника 1900-1935 гг / Федоров
Владимир Григорьевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 131 с.

ISBN 978-5-519-78766-6

ISBN 978-5-519-78766-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Необходимость распространения военных знаний после всех неудач русско-японской войны выразилась между прочим и в реорганизации «Общества ревнителей военных знаний», имевшего в то время громадное значение и устраивавшего свои доклады, лекции и собеседования в Собрании армии и флота. Доклады производились по всем отраслям военных знаний, причем главное внимание было обращено на использование опыта русско-японской войны; недостатка в докладчиках, конечно, не было, так как в Петербурге были сосредоточены все лучшие ученые и учебные силы военного ведомства с его военными академиями, училищами, офицерскими школами и всеми высшими административными и научными инстанциями вроде нашего Арт. комитета. Упомяну здесь еще об издании в 1906 г. первой в России частной военной газеты «Военный голос», посвященной реформам в армии, в издании которой я принимал живейшее участие вместе с моими товарищами во главе с Алушкиным (нас было всего 30 человек) и в которой я вел отдел, относящийся к ручному оружию. Мы считали, что издававшийся военным министерством «Русский инвалид» в данное время совершенно не удовлетворяет своему назначению — на страницах этой казенной газеты, конечно, нельзя было ожидать никакой обличающей критики всех не порядков, царивших в армии, — казенная газета не допустила бы этого на своих страницах¹.

Оживление периодической военной печати, усиленный выход трудов по всем отраслям военных знаний и в том числе и по оружейной дея-

1839 г. заимствовано из Франции, ружье 1851 г. представляет голландский крепостной стержневой штуцер, крепостное ружье 1875 г. представляет собой систему Крюка. Ген. Куропаткин в своих «Итогах войны» указывает, что только начиная с середины прошлого столетия русская армия стала отставать в своей готовности и в технических средствах от западно-европейских. По поводу этого заключения необходимо, однако, отметить, что в отношении вооружения Россия, идя в хвосте своих западных соседей и заимствуя все из-за границы, естественно, не только с середины прошлого столетия, но и всегда должна была отставать в деле своевременного перевооружения новыми образцами оружия. Факт постоянного вывоза «армат из немец» должен был сказываться на такой отсталости не только теперь (это писалось в 1910 г.), но и раньше. Правда, что теперь этот факт имеет более важное значение, он связан с более неблагоприятными последствиями. В прежнее время, при малом развитии технических средств перевооружения армии происходили довольно редко. Достаточно вспомнить, что кремневое оружие в русской регулярной армии просуществовало около 150 лет. В настоящее же время, в век технических изобретений и усовершенствований русской армии чаще приходится отставать от своих соседей. Как было это ранее, так будет и теперь при надвигающемся перевооружении автоматической винтовкой, если не будут приняты какие-либо исключительные меры. И казалось бы, что если у нас все военные прониклись бы той мыслью, что после знамени для всякого военного дороже всего состоящее на вооружении армии оружие, то может быть нам и удалось бы не отстать в этом отношении от наших соседей...

¹ Издание было совершенно частное — «Военный голос» издавался исключительно на средства, собранные его участниками. Душой всего дела и фактическим редактором был военный юрист Алушкин. Из других участников память сохранила мне: Коровиченко — военного юриста, бывшего при Временном правительстве командующим войсками Казанского военного округа, Друцкого — профессора Военно-Юридической академии, фон-Шварца — военного инженера, известного порт-артурца, выдержавшего всю осаду, во время же мировой войны отличившегося в качестве команданта Ивангорода, генерального штаба полковника Ф. Новицкого, капитана 2 ранга фон-Шульца; из артиллеристов припоминаю Башинского, Жерве и Тавастерна. Имелся у нас и «отсиживающийся редактор», так как, ввиду невозможности для нас платить частые штрафы за некоторые статьи, которые в высших сферах считались предосудительными, редактор обязан был вместо штрафа отсиживать наказания, налагаемые на «Военный голос», под арестом. Решительная критика наших военных порядков и настоятельные требования реформ в армии и флоте, однако, не прошли для газеты безнаказанно со стороны высших — настроенных реакционно — военных кругов. 5 сентября 1906 г. «Военный голос» был прикрыт.

тельность «Общества ревнителей военных знаний», конечно, не могли не иметь влияния на весь ход работы военного министерства после русско-японской войны.

Бросив общий взгляд на характеристику эпохи в отношении оживления деятельности по военному делу, перехожу к изложению реформ, проведенных в армии.

В отношении стрелкового вооружения прежде всего необходимо отметить, что с конструктивной стороны все образцы оружия, состоявшие в армии: винтовка обр. 1891 г., револьвер обр. 1895 г. и пулемет Максима со вновь введенным и разработанным на основании опыта войны станком А. Соколова — в общем удовлетворяли своему назначению и с этой точки зрения не вызывали особых опасений.

В отношении отдельных мероприятий по оружейному и пулеметному делу в армии, относящихся к этому времени, необходимо указать на нижеследующие четыре момента.

1. Проведение усиленной организации пулеметных команд. Каждый пехотный полк и каждая кавалерийская дивизия получили такую команду из 8 пулеметов. В отношении числа пулеметов на дивизию Россия имела наибольшее их количество, заняв первое место среди иностранных армий: Россия — 32 пулемета, Австро-Венгрия — 24, Италия — 8, Германия — 24, Англия — 24, Франция — 24, Америка — 18.

Но, однако, по опыту мировой войны и этого количества оказалось совершенно недостаточным, и русская армия, не имея возможности получить необходимое число пулеметов ни от своих заводов, ни от союзников, оказалась в этом отношении в самом бедственном положении.

2. Введение для армии остроконечных патронов, значительно повысивших баллистические качества оружия (соответствующие работы Оружейного отдела изложены мною выше в первой части). Необходимо при этом отметить, что приспособление 3-линейных винтовок под остроконечный патрон, ввиду недостатка средств, было растянуто на несколько лет; в конце 1913 г. на эту потребность необходим был отпуск в 2.826.000 рублей, в счет которого на 1914 г. было ассигновано лишь 200.000 рублей; вся переделка была распродана до 1920 г.

3. Значительное увеличение запасов патронов боевого комплекта. Этот вопрос обсуждался в мобилизационном комитете ГУГШ в 1907 г., причем за основание был принят расход 3-линейных патронов в японскую войну, главным образом образом только в трех больших сражениях под Мукденом, Ляояном и на Шахэ, в которых максимальный расход составлял около 880 патронов на винтовку. Мобилизационный комитет установил следующие нормы:

на каждую винтовку полевой и резервной пехоты .	1.000 патронов
на каждый войсковой пулемет	75.000
на каждую винтовку в крепостях	от 1.500 до 2.000
на каждый крепостной пулемет	от 30.000 до 50.000
на каждую винтовку государственного ополчения	200
на каждую винтовку местных конвойных команд	30

Военный министр согласился с мобилизационным комитетом и указанные нормы были утверждены в 1908 г. По сравнению с прежними нормами до русско-японской войны — новые были увеличены в два раза.

4. В 1910 г. особой комиссией под председательством пом. воен. министра Поливанова были выработаны новые нормы запасов оружия, т. е. те нормы, которые были во время мировой войны одной из самых главных причин катастрофического положения дел на русском фронте.

Мобилизационных запасов ружей было установлено шесть разных категорий: 1) 10% — для пополнения убыли винтовок во время войны (в этих запасах состояло 207.085 винтовок); 2) 5% — для той же цели — 105.000; 3) для второго комплекта запасных батальонов — 293.350 (всего в этих трех запасах состояло около 600.000 винтовок) — их хватило, однако, всего на 3 месяца войны; 4) крепостной запас; 5) запас учреждений, формируемых в военное время; 6) запас для государственного ополчения.

Всего во всех этих запасах состояло 1.491.525 винтовок.

Пулеметов положено было содержать в запасе 10% от числа состоящих в войсках, т. е. 454 пулемета.

Общее количество оружия, содержавшееся в войсках и складах по нормам 1910 г., видно из следующей таблицы¹:

Наименование оружия	Положено содержать в войсках и запасах	Состояло в вой- сках и запасах к началу войны 1914 г.	+ —
3-линейные винтовки пехотные .	3.270.320	3.427.077	+ 156.757
3-линейные " драгунские .	464.405	540.272	+ 75.867
3-линейные " казачьи .	189.598	204.394	+ 14.796
И т о г о .	3.924.323	4.171.743	+ 247.420
3-линейные карабины .	286.259	118.657	— 167.602
4,2-линейные берданки .	348.421	362.019	+ 13.598
В с е г о р у ж е й .	4.559.003	4.652.419	+ 93.416
Револьверы .	436.210	424.434	— 11.776
3-линейные пулеметы Максима . .	4.798	3.901	— 897

Из приведенной таблицы видно, что наличное количество винтовок в войсках и складах превосходило штатную их потребность. Что касается недостатка карабинов и пулеметов, то он объясняется тем обстоятельством, что кредиты для доведения этих образцов оружия до штата были распределены на несколько лет и к 1914 г. перевооружение еще не должно было быть закончено; карабины при этом требовались для вооружения некоторых чинов артиллерии и эта мера была решена только незадолго перед войной². На окончание изготовления пулеметов в запас и для некоторых частей второй очереди в количестве 897 экз. еще в конце 1913 г. требовалось около 1 миллиона рублей, в счет которого на 1914 г. было отпущено 570.000 рублей.

Насколько вообще недостаток финансовых средств задерживал проведение насущных реформ военного ведомства нагляднее и рельефнее всего видно из печальной истории отпуска средств на усиление артиллерийской части; поэтому небезинтересно привести здесь хотя бы самую краткую справку в этом отношении, поскольку это необхо-

¹ Барсуков. Подготовка России к мировой войне, стр. 126.

² См. часть I моего труда, главу XII, стр. 181.

димо для выяснения общего положения в подготовительный к войне период.

Как известно, немедленно после русско-японской войны было обращено особое внимание на артиллерийскую часть, причем в течение времени с 1906 г. по 1914 г. в Главном артиллерийском управлении (главным образом, в Артиллерийском комитете, где я работал) проводились непрерывные мероприятия по усилению артиллерии.

На основании опыта русско-японской войны, в ГАУ еще в 1906 г. был разработан обширный перечень реформ по усилению артиллерийской части, потребовавший в общей сумме единовременного расхода в 895 миллионов и ежегодно 42 миллионов рублей. Однако, ввиду тяжелого финансового положения России после войны и революции, кредиты были ассигнованы совершенно недостаточные, а именно только на единовременные расходы и то в размере 167 миллионов рублей. В полевой легкой артиллерии в это время, т. е. уже в первые годы после войны, вводятся панорамные прицельные приспособления к 3-дюймовой пушке, безоткатные лафеты со щитами, 3-дюймовые фугасные гранаты, 48-линейные гаубицы обр. 1909 г. (взамен 6-дюймовых полевых мортир), а также новейшие горные пушки обр. 1909 г. В 1910 г. утверждаются образцы орудий полевой тяжелой артиллерии: 6-дюймовые гаубицы и 42-линейные орудия, а также 6-дюймовые пушки тяжелой осадной артиллерии.

Вопрос о комплекте артиллерийских огнеприпасов на основании опыта русско-японской войны впервые рассматривался в 1906 г. в особой комиссии из строевых артиллеристов, главным образом, участников войны под председательством генерал-инспектора артиллерии. В основание был принят средний расход снарядов на 1 орудие за всю войну, определившийся в 720 снарядов, а также расход снарядов за время крупных боев: Ляоян,—190, Шахэ—25, Сандепу—88, Мукден—387. Было решено в 2 раза увеличить прежний комплект на 1 орудие, доведя его до 1000 выстрелов. Дополнительными соображениями при определении этой цифры служили установившиеся в то время мнения о скоротечности, молниеносности войны, а также сведения, что иностранные государства имеют почти такие же комплекты снарядов (Германия — 1200 экз.). Эти нормы были одобрены мобилизационным комитетом, а затем и военным министром в 1908 г.

В 1910 г. в связи с реорганизацией русской армии, предпринятой по инициативе военного министра Сухомлинова, был проведен целый ряд мер и в отношении артиллерии.

Необходимо, однако, отметить, что проект реорганизации армии в целом по указанию высших инстанций базировался на двух основаниях: «а) новая организация должна быть осуществлена в пределах численности армии в мирное время, чтобы не увеличивать тяготы населения по выполнению воинской повинности; б) преобразование армии не должно увеличивать государственный бюджет новыми постоянными расходами»¹.

Пришлось реорганизацию армии производить за счет сокращения некоторых войсковых частей. Как известно, в пехоте были упразднены отдельные резервные и запасные части, а также крепостные войска и за их счет сформировано новых 6 корпусов; кадры же резервных частей согласно новой организации входили в полевые действующие полки.

¹ Барсуков. Подготовка России к мировой войне, стр. 63.

Согласно такой директиве и в артиллерии пришлось упразднить резервные и запасные бригады, вылазочные батареи в крепостях — всего 154 батареи, 108 парков и 5 осадных арт. полков. За счет этого сокращения удалось сформировать гаубичную артиллерию, снабдив каждый корпус дивизионом из двух батарей по 6 орудий 48-лин. гаубиц; после проведения этой меры кроме имевшихся 96 легких полевых орудий на корпус приходилось 108 орудий; количество это однако было совершенно недостаточным по сравнению с германской армией. Реорганизация коснулась и полевой тяжелой артиллерии: было решено сформировать 8 полевых тяжелых дивизионов, разворачивавшихся в военное время в 20, на что требовалось всего 76 42-линейных пушек и 164 6-дюймовых гаубиц. Относительно тяжелой армейской (осадной) артиллерии организацией 1910 г. было намечено образование 4 полков такой артиллерии — для нее разрабатывались мощные орудия: 42-линейные и 6-дюймовые пушки, а также 8-дюймовые гаубицы и 11-дюймовые мортиры. На окончание изготовления орудий полевой тяжелой артиллерии, а также на заказ осадной пришлось все-таки требовать всего 81 миллион, причем в виду недостатка средств советом министров было признано необходимым расстрочить этот кредит до 1920 г.

Еще хуже обстояло дело с отпуском средств на крепостную артиллерию и вообще с вопросом об усилении крепостей, которые при существующем их положении считались — как это указывалось в докладе ГАУ — «источником не силы, а слабости русской армии». Этот вопрос был одним из самых больных вопросов подготовки к войне, причем, ввиду неимения кредитов и полной невозможности оборудовать надлежащим образом имевшиеся крепости, ген. Сухомлинов настаивал на упразднении значительного их числа на границе с Германией. На нужды крепостей и главным образом крепостной артиллерии был исчислен кредит в 485 миллионов, распределенный на 20 лет с окончанием всей реорганизации 1930 г.

Балканские войны 1912 г. и появление на сцену сильных армий славянских государств — Болгарии и Сербии, разгромивших Турцию, были толчком для нового усиления армий Германии и Австро-Венгрии, а затем и Франции; эта энергичная деятельность не могла не иметь следствием и новой реорганизации русской армии. Все вновь разработанные мероприятия под названием «большой военной программы 1913 г.» были внесены в Государственную думу, получив ее утверждение 24 июня 1914 г.; царская армия к 1 января 1917 г. должна была состоять в мирное время из 1.730.000 человек; новая реорганизация коснулась главным образом артиллерии, причем на корпус предполагалось уже дать 156 орудий. Русская артиллерия по этой программе должна была несколько подойти к германской. Ввиду объявления войны организация осталась только в проекте.

Это одно краткое перечисление различных мероприятий по усилению русской армии показывает, что интенсивная подготовка к мировой войне безусловно была, причем она велась даже в сравнительно большем размахе, чем во все прежние подготовительные к различным войнам периоды.

При всем том необходимо, однако, отметить:

1) что все эти реформы вырабатывались слишком медленно, так как даже и после неудачной русско-японской войны не изменилась прежняя

патриархальная система ведения всех дел, причем реорганизация армии к началу мировой войны не была закончена;

2) что на затяжку и неудовлетворительное проведение всех реформ имел громаднейшее значение недостаток денежных средств; колоссально важные мероприятия не могли быть осуществлены ввиду урезывания и, главным образом, ввиду распределения кредитов на долгие сроки времени вплоть до 1920 и даже 1930 гг.

Русская армия не была вполне готова к войне, но она была готова безусловно лучше, чем за все предыдущие свои войны, которые она вела ранее — все что полагалось по штатам 1910 г. за редкими исключениями было заготовлено.

С точки зрения военно-политической война была подготовлена более энергично. Необходимо отметить, что политическая обстановка в начале XX столетия, принимая во внимание взаимные противоречия империалистической политики различных государств, складывалась для царской России довольно благоприятно. Россия в 1914 г. была участницей громаднейшей коалиции, силы которой во много раз превосходили силы тройственного союза. Англия из опасения германского флота и стремлений к его уничтожению, временно отказалась от своего векового противодействия России в южном направлении и примкнула к русско-французскому союзу. Вообще необходимо отметить, что министерство иностранных дел вело в это время в высшей степени энергичную политику; здесь развивалась кипучая деятельность: в 1907 г. последовало соглашение с Японией, развязавшее России руки на востоке, в том же году было заключено соглашение с Англией, временно уладившее все спорные вопросы на юге — в Персии и Тибете. В 1909 г. последовало свидание с итальянским королем в Ракониджи и соглашение с Италией по вопросу о Триполии и о Константинополе; далее министерство иностранных дел целым рядом мероприятий вплоть до попытки заключения брака между представителями царствующих династий (наследник престола Кароль и старшая дочь Николая II) стремилось установить более дружеские отношения с Румынией — вся эта политика была проникнута одним лозунгом, одной идеей об изоляции Германии. Всюду, а не у нас одних только, — ожидалось распадение двух «больных» государств, доживавших, — как это предполагалось в это время и слишком часто высказывалось на страницах шовинистически настроенной периодической печати, — последние годы своего существования: лоскутной Австро-Венгрии, которая не могла далее существовать в своем прежнем виде, и распадавшейся Турции. Захватническая политика с дележкой наследства этих государств сулила значительно усилить империалистическую Россию — тут предполагались и ключи от Босфора, и единение вновь образованных славянских государств вокруг России, и воссоединение галицких русин. Все эти мечтания туманили голову националистически настроенной русской бюрократии и заставляли закрывать глаза на все отрицательные стороны того положения, в котором находилась русская империя, доживавшая в то время, как это оказалось в действительности, свои последние дни. Эти взгляды о возможности значительного усиления царской России высказывались и за границей, что подтверждается теперь различными мемуарами, выпущенными некоторыми государственными деятелями иностранных государств. Как характерно мнение министра иностранных дел США, относящееся к 1914 г. и помещенное в мемуарах Ллойд-Джорджа. «Победа тройственного

союза, — указывалось в этом мнении, — будет служить лишь к дальнейшему усилению германского милитаризма, победа же Антанты прежде всего — к колоссальному усилению деспотической России — и то и другое для США является в высшей степени нежелательным»¹. Ллойд-Джордж указывает, что Америка содрогалась при мысли о каком-либо сближении с русским правительством, — грубым, тираническим, развращенным, действительно прогнившим.

Итак, с точки зрения военно-политической, — подготовка к мировой войне была проведена соответствующим образом; это доказывают соглашения империалистических хищников, основанные на временном прекращении их взаимных противоречий. Однако, со стороны чисто военной Россия вряд ли могла воевать с могущественной армией Германии — все ее надежды были на громадные силы союзников. Одним из самых слабых мест русской армии была при этом медленность русской мобилизации — отсюда понятны чрезмерные панические опасения в этом отношении, а также стремление во что бы то ни стало начать мобилизацию ранее Германии. Это последнее обстоятельство и было причиной того рискованного шага, который привел к европейской войне в тот момент, когда русское правительство не могло еще считать себя вполне готовым к разрешению своих мировых империалистических задач (через месяц после утверждения большой военной программы). Желание, кроме того, устроить Австро-Венгрии русской мобилизацией и заставить ее принять в ее конфликте с Сербией какое угодно третейское разбирательство, на что так надеялось министерство иностранных дел во главе с Сазоновым, на самом деле не удалось осуществить и оно было одной из главнейших причин молниеносного возникновения европейской войны. Молниеносность ее и выразилась только в одном этом — обратно всем расчетам верхов русского военного министерства, надеявшихся на непродолжительную скоротечную войну.

¹ Ллойд-Джордж. Военные мемуары, стр. 442.

ГЛАВА 2

Объявление войны. Командировка в Японию. Миссия Э. Гермониуса для приобретения орудий, снарядов, винтовок и патронов. Приемка мексиканских и японских винтовок. Положение русской армии в отношении оружия в конце 1914 г. Дальнейшие заказы оружия американским заводам.

С момента объявления мобилизации все высшие учебные заведения были закрыты — все было брошено в армию; была закрыта и наша Артиллерийская академия и Офицерская стрелковая школа, где мне пришлось читать лекции по ручному оружию. Прекратились различные опыты по оружейной и патронной части, которые велись на Оружейном полигоне — часть его личного состава вошла в формировавшийся полк стрелковой школы.

Все опытные работы на заводах также были немедленно прекращены — надо было бросить все силы для борьбы с Германией.

Все мы знали, что представляет собой Германия в военном отношении.

Мы знали, что нигде, как в этой стране, не была так сильна подготовка к войне; нигде, как в Германии, не были так хорошо известны любимые слова погибшего в 1905 г. на «Петропавловске» адмирала Макарова: «Помни войну»; немцы любили повторять изречение своего Мольте: «Продолжительный мир — это мечта и даже — не прекрасная мечта; война же есть существенный элемент божественной системы мира».

Мы знали слова руководителя германской внешней политики фон-Бюлова: «Наихудшая вещь в политической жизни — это апатия и душная атмосфера всеобщего спокойствия. Покой позволителен только тому, перед кем не стоят невыполненные задачи; ни одна нация не может сказать этого о себе, тем менее германцы, которые так недавно вступили на новый путь с достижением новых целей. Количество разрешенных нами проблем с 1870 г. ничтожно сравнительно с теми, которые еще ждут нашего разрешения...».

И мне хотелось здесь только отметить ту мысль, которая бродила в момент объявления войны и у меня, и у очень многих, хорошо знавших Германию, — мысль о том, что нам предстоит борьба с серьезным, смелым и искусным врагом, с каким за тысячелетнее существование России, за исключением разве гения Наполеона, — ни разу не сталкивалась русская армия.

Через несколько дней после объявления войны я был вызван к начальнику Главного артиллерийского управления Д. Д. Кузьмину-Караваеву, который приказал мне отправиться в Японию для переговоров

по снабжению армии оружием и патронами, а также и для приемки всего того, что будет уступлено нам японским правительством.

Полагая, что война должна затянуться и что при таком положении в русской армии может оказаться недостаток в винтовках, несмотря на наличие в артиллерийских складах всего положенного по штату оружия, Д. Д. Кузьмин-Караваев тогда же, в самом начале войны, по своей собственной инициативе, решил принять некоторые меры для пополнения запасов оружия.

Во главе миссии в Японию был поставлен заведующий Артиллерийскими приемками Э. К. Гермониус; в качестве специалиста по артиллерийским орудиям и снарядам был командирован делопроизводитель Артиллерийского комитета М. П. Подтягин, как специалист по оружейной и патронной части — я и в качестве секретаря и переводчика — делопроизводитель Комитета А. Я. Задде, служивший так же, как и я, в Оружейном отделе комитета.

Мы ехали в Японию совершенно неподготовленные к стране; ни один из нас, конечно, не знал ни одного слова по-японски; мы не успели захватить ни словаря, ни самоучителя; ввиду спешности отъезда у нас не было никаких книг или брошюр об Японии; каждый из нас знал только вооружение ее армии, ее материальную часть, знал конструкцию и главные данные их орудий, снарядов, ружей, пулеметов, но этим и исчерпывалась вся наша подготовка.

В отношении ручного огнестрельного оружия у меня была надежда получить старые винтовки обр. 1897 г. системы Арисака, бывшие на вооружении ее армии во время войны с Россией и, вероятно, уже замененные новой системой обр. 1905 г. того же Арисака. Несмотря на то, что винтовки эти были в войсках уже долгое время, старая система Арисака могла считаться удовлетворяющей своему назначению — она отличалась от новой лишь своим затвором, который был довольно сложен по устройству и имел много мелких частей, а также пружиной подавателя магазина, которая в прежней системе была проволоочной, в новой же пластинчатая, более прочная и надежная. Ведь не надо же было забывать, что русская армия вооружена системой еще более давнего изобретения, а именно 1891 г., а потому, в случае, если удастся получить от японского правительства винтовки 1897 г., — необходимо лишь обращать более строгое внимание на то состояние, в котором они находятся.

Через несколько недель пребывания в Японии — после долгого ожидания — нам предложили приобрести мексиканские винтовки и карабины в количестве около 30.000 шт. с 200 патронов на каждый экземпляр оружия. Мексиканские винтовки были одинаковой системы с японскими, а именно Арисака 1905 г. или по японскому летоисчислению 38 года Мейдзи; отличались они от японских лишь своим калибром в 7 мм, тогда как японские были 6,5-миллиметрового калибра. Они были спроектированы для маузеровского патрона и заказаны около года тому назад для мексиканской армии; часть винтовок уже была отправлена по назначению и предложенные нам представляли собой последнюю партию заказа; приемка ее заканчивалась особой мексиканской комиссией.

Предложение это не имело для нас большого интереса, так как винтовка требовала особого патрона, отличного от нашего 3-линейного; если же принимать другой патрон, то во всяком случае и количество винтовок должно было бы быть более значительным. Закупать же малые пор-

ции различных систем винтовок с разными патронами — не представляло особых выгод. С другой стороны и количество отпускаемых нам патронов было совершенно недостаточно. Комплект патронов был установлен у нас 1000 на каждую винтовку; по данным русско-японской войны были бои, когда из винтовки расстреливалось до 300 патронов в полчаса горячего боя. Из Петрограда было получено приказание о необходимости немедленной покупки — эта телеграмма нам показала, что вопрос с винтовками в армии, вероятно, значительно ухудшился... Так как цена со штыком и кожаным ремнем для носки была очень низкая, а именно до 30 иен, т. е. около 30 рублей, тогда как наша 3-линейная винтовка на наших оружейных заводах в мирное время стоила от 37 до 45 рублей, то было приступлено к немедленной их приемке; около 10% винтовок на выдержку были осмотрены мной самым детальным образом — и затем они были отправлены в Россию.

Что касается японских винтовок, то решение об их уступке русской армии все откладывалось и заставляло подозревать о нежелании японского правительства оказать союзническую помощь русской армии; все происходившее подтверждало некоторые, может быть и неправильные, наши соображения; нам казалось, что японцам невыгодно усиливать нас, непосредственных соседей. События происшедшие впоследствии, а именно японская интервенция 1918—22 гг. и агрессивная политика по отношению к СССР со стороны японского правительства показали, что эти подозрения были правильны.

Из частных источников, между тем, мы узнали, что идет отправка этих винтовок для английской и французской армий, причем нам сообщили даже название пароходов, на которых была произведена их отправка. Впоследствии это известие подтвердилось. Япония скрыла от нас, что прежде всего она помогала Англии и Франции.

Наконец был получен ответ от японского военного министерства. Ответ был для нас очень неутешительный. Правда, нам отпускалось довольно большое количество старых японских винтовок системы Арисака, обр. 1897 г., т. е. 30 года Мейдзи, и при том по очень низкой цене, но однако количество патронов на каждую винтовку давалось крайне незначительное, а именно по 100 патронов; нас предупреждали, что патроны будут старых годов изготовления — часть из них придется собирать из гарнизонов Кореи. Первая партия в 70.000 винтовок будет приготовлена к сдаче в октябре; из них 15.000 в Моджи, 15.000 в Осака и 40.000 в Токио; вторая партия в 115.000 и третья в 95.000 экз. будут сданы примерно в конце декабря месяца...

Задержку в сдаче японское министерство объяснило необходимостью снимать винтовки с вооружения полков, высылая для них новые винтовки обр. 1905 г. По мере снятия с вооружения их надо сосредотачивать в склады для осмотра и исправления, что займет много времени.

Такое объяснение казалось мне очень странным, так как кроме винтовок, состоящих в полках на руках, должно было быть весьма значительное число оружия в складах и если бы японское военное министерство пожелало бы действительно помочь русской армии, то оно и могло бы дать эти винтовки, а по мере перевооружения пополнить склады винтовками из полков.

В японском Артиллерийском управлении нам, кроме того, указывали, что все винтовки могут быть разделены на три категории: 1 — совершенно новые, 2 — малодержанные и 3 — сильно поношенные. Это по-